

Майк Гелприн

**ПОЧТИ
РАЗУМНЫ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 2

T8 RUGRAM

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)
Г31

Гелприн, М.

Г31 Щиты миров. Почти разумны / М. Гелприн. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 414 с. — (Мозаика Миров).

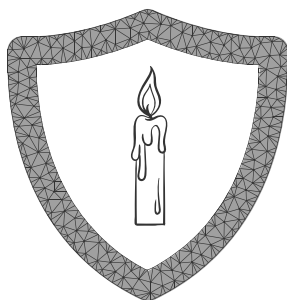
ISBN 978-5-521-90503-4

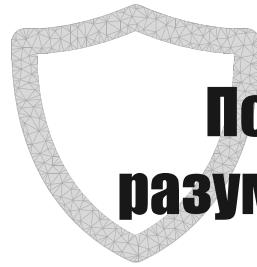
В этом сборнике читатель познакомится с теми, кто лишь похож на нас. Узнает, что объединяет старый револьвер, исполинского паука, цирковую обезьяну и закованную в броню боевую машину. Пройдёт вместе с героями рассказов по безлюдным землям и выжженным пустошам.

В сборнике вас ждут верность и предательство, отчаяние и надежда, подвиг и покаяние.

BIC FLC
BISAC FIC009040

Почти разумны

Почти разумны

Олег присел на корточки, расстелил на траве клеёнку и вывалил на неё содержимое мешка с подарками. Аляповатые пластиковые заколки, броши из дешёвого стекла, примитивные перочинные ножи – весь запас, что приволок с Земли вернувшийся из отпуска Луис.

– Хорошие вещи, полезные, – подбодрил Олег аборигенов. – Ну, что стоите, налетайте.

Аборигены, как обычно, не отреагировали. Все трое смиренно стояли в ряд и безмолвно переминались с ноги на ногу, будто солдаты карликового войска, которым уже скомандовали «вольно», но забыли добавить «разойдись».

Луис почесал в затылке, поморщился.

– Примитивы, – прокомментировал он. – И какому олуху пришлось в голову классифицировать их сапиенсами?

– Сам ты примитив, – рассердилась Глория.

Она решительно отстранила Луиса, присела рядом с Олегом, выбрала из кучи безделушек стеклярусные бусы и протянула ближайшему аборигену.

– Возьми, – принялась уговаривать Глория. – Смотри, какие красивые, подаришь своей девушке. У тебя есть девушка?

Абориген помялся, затем нерешительно протянул верхнюю конечность и немедленно её отдёнул.

– Трусоват, – констатировал Луис. Он повернулся спиной и двинулся в лабораторию. – Только время с ними терять, – бросил Луис через плечо.

Глория досадливо фыркнула.

– Погляди, какая красота, – вновь взялась она за уговоры. – Чудесные бусы, замечательные.

– Постой, – Олег выудил из груды барахла перочинный ножик с изогнутой перламутровой рукояткой. – Что ты мужику бабские финтифлюшки предлагаешь. Нож, – объявил Олег торжественно. – Держи. Нет ничего лучшего для мужчины, чем вспороть брюхо врагу, – Олег полоснул лезвием по клеёнке. – Ну, как вам? – оглядел он аборигенов. – Правда, классная штука?

Демонстрация brutальных свойств ножа энтузиазма не вызвала. Потоптавшись с минуту, аборигены синхронно развернулись и закосолапили в лес.

– Ты всё испортил, – набросилась на Олега Глория. – Они миролюбивые, смирные, а ты – «враги, брюхо, вспороть»... Не удивлюсь, если они больше не придут.

– Ну, и не придут, велика важность, – виновато бормотал Олег, едва поспевая вслед за Глорией к лабораторной двери. – Я, между прочим, и так не понимаю, чего они ходят.

Понять и вправду было затруднительно. Аборигены наносили визиты два-три раза в неделю. И были они друг от друга неотличимы. Одного роста, Олегу по колено. Одного окраса, цвета чёрного кофе. И с одинаковым спокойно-грустным выражением круглых карих глаз в пол-лица. Луис, впрочем, уверял, что не лица, а морды, и в разумность аборигенов верить отказывался. Мало ли, что там болтают теоретики – ксенозоологи всякие и экзобиологи. Им же троим, сугубым практикам, геологам и геодезистам, принимать теоретические изыскания на веру не пристало.

Ни на один земной вид были аборигены не похожи, а скорее сочетали черты полудюжины разных видов, словно причудливый гибрид, выведенный затейником-селекционером. Поэтому

применить биологическую систематику к ним земляне-учёные не пытались и ни к одному отряду плацентарных млекопитающих их не относили.

– Лемуруподобные медвежата, – шутил иногда Луис. – А то и медведеобразные кроты.

На лабораторном пороге Олег оглянулся. Аборигены достигли опушки и один за другим втянулись в чащу. Олег на секунду замер, любуясь буйством местной флоры. Лес покрывал девяносто процентов суши этой планеты, был он величественным и в буквальном смысле непроходимым и непролазным. За полтора года, что существовали лаборатории, исследовать удалось разве что малую его толику. Да что там малую – ничтожную, подумал Олег, а то и вовсе никакую.

* * *

Змеехват сошёл с тропы и уселся на ствол поваленного ураганом иглолиста. Отодрал шершавую пористую кору, извлёк из-под неё личинки жука-древоеда и принялся закусывать.

Остальные двое отставали. Цикадник повредил левую ногу во время последней охоты на клыкаря и поэтому передвигался небыстро. Рыболов вообще никогда не спешил, да и немудрено – когда удишь день-деньской рыбу на речном берегу в излучине, торопливость ни к чему.

– Хорошие личинки, вкусные, – подумал Змеехват Рыболову, едва тот выбрался на тропу из-под бахромы лианового занавеса.

Рыболов поморщился – личинки он не жаловал. Питаться он привык свежей рыбой с реки, так что лесных насекомых полагал не снедью, а приманкой.

– Большую змею видел, – подумал Рыболов Змеехвату. – Под корнем веерного дуба. Мясистая змея, жирная.

– Суп сварить можно, – подтвердил появившийся за спиной у Рыболова Цикадник. Думал он обоим, так что вкус горячего, наваристого змеиного бульона явственно представился всем.

– Может, сходишь, убьёшь? – заискивающе подумал Цикадник Змеехвату. – Никто лучше тебя змей не убивает.

Змеехват поколебался. С одной стороны, змеиный суп хорош и укрепляет здоровье. С другой – время терять не хотелось. К тому же, Зарянка ждёт, наверняка соскучилась, пока он шастает по лесу.

– Я вот всё думаю, откуда эти гладкокожие пришли, – перевёл мысленный разговор на другую тему Змеехват. – И почему их только трое, где остальное стадо.

– С дальних болот пришли, не иначе, – обстоятельно рассудил Цикадник. – Видать, семья отделилась. Хотя самка не похоже, что на сносях.

– Интересно, они хищные или травоядные, – подумал Рыболов. – И если хищные, нравится ли им рыба.

Змеехват свои мысли скрыл. Он тоже неоднократно размышлял, чем питаются гладкокожие, но ни к чему конкретному не пришёл. Выяснить это, однако, было необходимо. Змеехвату необыкновенно понравился резак. Но не рассердятся ли гладкокожие, предложи он в обмен змею, было неизвестно. Взять резак даром Змеехвату и в голову не приходило, хотя гладкокожие явно предлагали за так. Рискну, решил, наконец, он. Набью завтра побольше змей, постараюсь, чтоб были помясистее. Рыболов желтобрюхов наудит...

– Дом у гладкокожих хороший. И ноги сильные, – беспорядочно думал в открытую Цикадник. – Жаль, что размышлять они не умеют.

– А может, умеют, – возразил Рыболов. – Только друг другу размышляют, вот мы и не слышим.

– Ерунда, – отмахнулся Цикадник. – Мы-то им размышляли. У меня голова вспотела, пока я им думал. А они в ответ только ртами шумят.

– Ладно, – Змеехват поднялся со ствола. – Всё равно сейчас ничего не надумаем, – подытожил он. – Пошли. Самки, небось, заждались.

* * *

В пути больше не останавливались и с тропы не сходили. Поначалу была она прямая и ровная, потом запетляла между стволами, а затем и вовсе ушла в сторону, огибая муравьиный холм. Муравьи были к концу лета вялыми и почти не охотились, так что холм миновали без особой опаски. Там, где тропа вновь стала ровной, её косо пересекала другая, звериная, вся во влажных после дождя следах от лап и копыт.

– Никак, рогачи прошли, – подумал в открытую Цикадник, рассматривая треугольные, размером в пол локтя, следы.

– Рогачи это хорошо, – подумал в ответ Змеехват и тоже принялся рассматривать следы. – Рогачи это не какие-нибудь там клыкари.

Он пристально взгляделся в ту сторону, куда ушли рогачи. От земли тёк лёгкий белёсый туман, лениво уплывал вверх и умирал в хитросплетениях крон, ветвей и цветущих лиан. По стволам перебегали быстрые юркие хвостуны, на лету слизывали длинными раздвоенными языками неосторожных жужелиц. С высоты, неразличимые за десятками листовых ярусов, кричали, щёлкали, голосили птицы. Стаи мошкеры выстреливали из тумана и неторопливо в него оседали. Лиловый, раздувшийся от важности квакун деловито обглаживал шляпку пятнистого приземистого гриба.

Змеехват встряхнулся и, бегло поглядывая по сторонам, двинулся по тропе дальше. Картина по обе стороны была привычной и каждодневной – лес дышал, цвёл и охотился.

До селения добрались, когда светило начало закатываться за макушки дальних иглолистов. На окраине старый Птицестрел распекал нерадивую сноху. Мыслей по дряхлости Птицестрел не сдерживал, так что провинности снохи сразу становились известными всей округе.

– Яйца крылатки протухли, печень клыкаря сгорела, – гневно перечислял Птицестрел. – Ореховая мука помолота скверно,

живот пучит от такой муки. Куда Кустодав глядел, когда брал тебя за себя.

Змеехват переглянулся с Цикадником. Кустодав, сын старого Птицестрела, лентяем уродился отчаянным. От охоты отлынивал, от собирательства уклонялся и с утра до вечера отсыпался в кустах. Самку взял из дальнего селения, где о его привычках не слыхивали, и, видать, угадал – выбрал под стать себе.

По центру селения, на расчищенной от деревьев поляне, шестеро охотников разделявали тушу клыкаря. Был клыкарь молодой, упитанный, с хорошей лохматой шкурой, из которой самки пошьют нательники, чтобы носить зимой.

Змеехват приблизился, подумал всем доброго здоровья, вооружился общественным резакom из кости болотного грызня и принялся помогать.

– Что слышать? – мысленно осведомился он.

– Ночью дождь будет, – сообщил угрюмый, кряжистый Травобой. – А ещё самки ходили поутру в дальний малинник, но ягод не принесли.

– Что так? – удивился Змеехват.

– Испугались, – пояснил Травобой и насупился. – Рябиница беспощада увидала.

Змеехват замер. Беспощадами звались воинственные, злые племена, обитавшие в северных чащобах и в прошлом совершавшие разбойничьи набеги на селения вдоль Большой Реки.

– Верно беспощада? – уточнил Змеехват у общества. – Не привиделось Рябинице?

– Не привиделось, – за всех ответил Следодум. – Я, как самки вернулись, сам побежал в малинники. Следы пытал. С севера они пришли. Двое. До берега добрались, поглядели, как чего, и отправились восвояси.

Змеехват поднялся и побрёл к себе в хижину, сплетённую из гибких, перетянутых вьюном ветвей. Новость была – хуже некуда. От беспощадов добра ждать не приходилось. Были они жестоки и свирепы. Охотников в набегах убивали, а самок угоняли